



**Н**а Донбассе купола церквей — тёмные. Гораздо темнее, чем в большой России.

**Т**ёмное золото, будто бы замешенное с углём. Едешь на машине по Донецкой народной республике — и видишь: то здесь, то там вспыхивает тёмный купол.

Очень много разрушенных православных храмов. Наверное, надо пояснить, что стреляют по ним с той стороны — артиллерия, миномёты или танки Вооружённых сил Украины.

Порой храм стоит на открытом пространстве, его видно издалека, как единственный головастый цветок на поле.

— Это не случайное попадание, — говорит мне мой спутник. — Часто осмысленно били именно в храмы.

Если быть точным: только на территории Донецкой республики разрушено во время войны

семьдесят православных храмов. Пусть кто-нибудь попытается доказать, что это случайно.

В то утро мы выехали в компании главы Донецкой Народной Республики Александра Захарченко в кои-то веки не по делам боевым, а с мирной целью — вручить ключи от новых квартир жителям Дебальцево: там возвели 111 новых, очень симпатичных, домиков.

Неожиданный звонок на мобильный заместителю главы, с которым мы едем в его потрёпанной «Ниве». Поступает информация, что по дороге может быть покушение на главу. На Захарченко были совершены десятки покушений, о которых нужно написать отдельную книгу.

Информацию тут же передали главе и его начальнику охраны. Надо было отменять поездку.

Через три минуты от Захарченко передали: нет, едем. Просто сменим маршрут.

Маршрутов всегда закладывается несколько, каким именно поедет глава, не знает до последнего момента почти никто, или вообще никто — потому что за минуту до выезда сам Захарченко может принять новое решение.

В этот раз решение его — парадоксально. Мы должны были ехать в Дебальцево, делая серьёзный крюк, — чтоб держаться подальше от передовой. Но Захарченко то ли забавляется, то ли доверяет своему чутью: и мы летим по трассе, которая проходит ровно по передку.

— Вон дом видишь? — показывает мне зам главы. — Там украинские снайпера сидят. А вон их позиции... Вон в той зелёнке они тоже есть...

Но здесь нас, похоже, вообще не ждали.

На улице — солнечный декабрьский денёк, всё кажется безоблачным и мирным.

Смотрю на купола и вспоминаю, где уже видел этот тёмный свет.

\* \* \*

Захарченко не курил только под капельницей. Когда нас познакомили — он не курил.

Раздетый по пояс, лежал на диванчике, в комнате за своей приёмной. Рядом, за столом, сидели врач и медсестра, тихие и тактичные женщины.

Подкапывала какая-то животворящая жидкость, сразу из двух банок.

Разговаривая, Захарченко время от времени недовольно поглядывал на эти банки: ему казалось, что всё происходит слишком медленно.

Потом я заметил, что у него так всегда: жизнь должна двигаться быстро — нестись с такой скоростью, чтоб трава склонялась по пути, или заполошно взлетал потревоженный снег.

Наконец, его отцепили от склянок, он быстро встал и начал одеваться в свою почти неизменную «горку», которая, ничего не поделаешь, шла ему куда больше костюма и даже парадного кителя.

«Горка» была выстиранная, опрятная, но явно поношенная.

— Ты всю войну в ней прошёл? — спросил я. Прилюдно я буду обращаться к нему на «вы»; в неофициальной обстановке на «ты».

— А по ней видно. Зашитая-перешитая, подрыпаная, потёртая. Её от пота, и от крови стирали. Когда в меня пуля попала, мне распорол штанину; потом зашили. И в берцах в этих я тоже всю войну проходил. Вот заплатку на берцах поставили — наши мастера сапожники.

Последний раз Захарченко был ранен в ногу, пуля прошла над самой пяткой — с тех пор он заметно прихрамывал.

«Надо же, — думаю, — оставил старые берцы».

Осталось непонятным: ходить в прострелянных берцах — это суеверие, или, что ли, бравада, или ещё что-то; может, просто берцы жалко.

— Поменяешь форму?

— Конечно, одену новую.

— Когда войны не будет?

Захарченко вешает на ремень нож, он всегда с ножом, и, быстро подняв взгляд, секунду смотрит на меня:

— Войны не будет? Будет. Как начиналась Вторая мировая? Тоже с таких вот непонятных конфликтов: то Польша, то Чехословакия, то Финляндия, то ещё что-то. А тут Донбасс, тут Сирия. Давайте смотреть правде в глаза. Мы сейчас врубимся по полной программе. Уже врубались. Исходя из опы-

та истории пройдёт несколько лет — и мы сцепимся. Всё, что должно решиться кровью и железом, оно решится кровью и железом, и больше ничем. Ты не сможешь убрать из СБУ\* 70% ЦРУшников без применения силы. Ты не сможешь убрать из их Минобороны всех заезжих советников.

Захарченко затягивает ремень, и уже по дороге в свой кабинет договаривает:

— Всё, что должно решиться войной, рано или поздно ею решится. Любая драка должна завершиться чьей-то победой или поражением. Если мы решим случившееся миром, то и я, и 90% из тех людей, которые здесь остались, — все мы будем считать, что у нас украли победу. А те, которые там, — как они будут воспринимать нас? Если у них неправильное правительство, которое выбрало себе не тех союзников, и армия их неправильно себя вела, — это не может так закончиться, как сейчас. Мы с людьми на другой стороне — одной крови, и здесь не может быть выигравших и проигравших. Если ты нёс слова правды и проиграл — значит, возвращайся на другую сторону и стань победителем.

Я слышал в словах Захарченко противоречие: если нет выигравших и проигравших, то как можно стать победителем, но вместе с тем понимал, что никакого противоречия здесь нет: потому что он не говорил о победе над собственным народом.

---

\* Служба безопасности Украины.

— Возврат в нормальную жизнь должен сопровождаться изменением ценностей, — настаивал Захарченко, у него вообще быстрая речь, он словно не поспевает за своей мыслью. — Невозможно понять, что ты сильнее, пока не определишь, что ты сильнее. Пока ты сапогом своим не наступишь на горло и не скажешь, что я сейчас могу своим сапогом передавить тебе шею, либо я убираю свой сапог и поднимаю тебя — живи. Только живи по нашим законам, воспринимай нашу правду. Не хочешь? Вали в ту Европу, которую ты себе выдумал. Свобода выбора. Это моё мнение. Я не знаю, правильное оно или нет. Победа может быть разной. Можно завоевать всю Украину. Но, может быть, этого и не нужно делать. Потому что взятие Харькова или Киева будет сопровождаться большими потерями мирного населения. И на фоне этих убийств мы будем восприниматься как захватчики. Но здесь, на своей земле, мы должны показать силу оружия. Мы выгнали их, показали силу, встали на границе, хотя могли идти дальше. Хоть вы и разрушили наш дом, мы не звери, мы не суки, мы не пойдём разрушать к вам. Но то, что ваши сорок миллионов ничего не смогли сделать с двумя миллионами — это серьёзная вещь, это повод для огромного психологического надлома у населения там. Это горечь унижения, поражения. Понимания, что они не с теми воевали, что выступали в роли карателей, убийц и мародёров. Вот это да.

— То, что ты говоришь, это... на грани жестокости.

— Я не был жестоким в апреле 14-го.

\* \* \*

На Донбассе мне приходилось бывать в самых разных качествах.

С лета 2014-го я занимался гуманитаркой, потому что не было сил на всё это смотреть, — и объездил на своём «Mitsubishi Pajero» весь Донбасс вдоль, поперёк, наискосок и обратно. Первый раз я заезжал на переполненном джипе и за мной шла забитая под завязку лекарствами «Газель», последний раз мы пригоняли уже три фуры плюс шла за нами бессменная «Газель», плюс ещё четыре гружёных джипа, и внушительная команда моих товарищей.

С сентября 14-го я курировал деятельности одного подразделения ополченцев в Луганской республике.

Тогда же начал работать как военкор, и мои репортажи публиковали газеты с многомиллионными тиражами.

Потом, в 2015-м, волею судеб, я получил приглашение на работу в администрации Донецкой народной республики, при Захарченко, которого в первый год войны не знал.

Помню, сообщил об этом военкору Жене Поддубному, моему замечательному товарищу, он с доброй иронией кивнул, пряча фирменную свою улыбку.

— Ну, береги себя.

— Что он, совсем безбашенный? — спросил я, будучи наслышанным о поведении Захарченко и в ситуации боевых действий, и в их отсутствие тоже.

— Вообще, — коротко и веско ответил Поддубный.

«Славно», — подумал я.

Я знаю все смены в лицо на таможне в Изварино и все смены на таможне в Успенке.

Я знаю поимённо половину контрабандистов на границе Луганской области; и они знают меня.

Когда я въезжал через Изварино первый раз — там были окопы и укрепления, и дальше, в посадках, пахло мёртвым человеком, а все обочины были заминированы.

Сразу после таможни ты попадал в удивительную реальность: разнообразные, похожие то на ангелов, то на демонов ополченцы, шахтёры и казаки, осетины и чеченцы, много оружия, громкие голоса, шутки, — все были весёлые, как на самой весёлой свадьбе. Я много раз замечал, что война — по крайней мере, пока нет стрельбы, — дело радостное и задорное; мужикам нравится.

Тогда было тепло, в первый раз.

Я помню осеннюю дорогу в Донецк. Знаю зимнюю дорогу в Донецк. Видел весеннюю дорогу в Донецк.

Всякий раз все чувства были заточены, яркие, зрение становилось объёмным, нюх — собачьим, и слышал я столько всего, сколько обычно не слышу.

Посадки и кусты видишь — кажется порой — насквозь.

Запах оружия — оружие тоже пахнет по-разному, запах формы, запах берцев, запах подбитого танка, запах недавно проехавшей колонны, запах блокпостов, запах разбитого асфальта, запах заброшенных полей, запах оставленного жилья.

\* \* \*

В этот раз я проходил таможни — сначала русскую, а потом донецкую — ночью; ночью всегда мало народа; только машины, в основном фуры, стоят многокилометровой очередью.

Меня встречали двое старых знакомых — год, или даже больше назад, я видел их в качестве ополченцев; только недавно выяснил, что оба они из донецкого спецподразделения, где работали ещё до войны — ну и с тех пор, как война началась... парни продолжили работать по профессии.

Само собой, разговор — про самое главное: где и что случилось, случается и ещё случится на этой войне.

Речь пошла об иностранцах, что приехали воевать сюда.

Надо сразу пояснить, что и на ту сторону, и на эту — идут зачастую по идейным мотивам.

Но есть одна существенная разница: туда сразу же шли за деньги, а здесь — до какого-то времени — денег вообще не платили; только к 2015 году появились зарплаты — 14 тысяч в месяц, чуть больше

или чуть меньше. По нынешнему курсу — двести баксов. Настоящих наёмников за такие деньги не бывает.

Та сторона наёмников набирала — в огромном количестве.

Эта сторона — принимала добровольцев.

Мои провожатые рассказывают, как в июле впервые увидели убитого негра — лежал на дороге, застреленный, огромный, отлично экипированный.

Больше всего — поляков. Только убитых — около пятисот человек.

— Потом прибалтийки, — рассказывает водитель. — Их, знаю, тридцать убитых. Снайпера. Многие — мастера спорта и чемпионки. Но у нас тоже есть мастера и чемпионы мира, — усмехнувшись, говорит он, но в подробности не вдаётся: такие фамилии не стоит лишний раз называть. — У Изварино были чешки... Часто у них — это уже вторая или третья война.

— А у нас? — спрашиваю я; хотя сам знаю многое, но всё знать всё равно нельзя. Мои провожатые статистики не имеют, поэтому просто вспоминают, кого где встречали в последнее время.

— Два финна в «пятнашке» сейчас...

— И один испанец...

— Француз был...

— Из Сербии приезжало много... В «Призраке» Алексея Мозгового целый взвод сербов был.

— Норвежцев видел!

На следующий же день я узнаю про погибшего за Донбасс немецкого добровольца — вся семья у него в Германии.

...Виляя по разбитой дороге, за разговором подкатываем к Донецку — сейчас внутренних блокпостов уже нет, дорога стала веселей...

Тем более что и машин нет — комендантский час. Донецк — сильный, широкий, самоуверенный, проспекты в сияющих фонарях: этот город всегда выказывал спокойствие — вопреки всему, что тут происходило и происходит.

— Здесь, — говорят на очередном перекрёстке, — семья угодила под обстрел. Миномётный снаряд ровно в машину. Мать, отец, ребёнок пяти лет. Все погибли. — Едем ещё некоторое время. — В эту больницу попадало. Метили в Министерство госбезопасности, а попали в больницу. Врач погиб.

Почти на каждой улице по такой истории. Если ставить памятники погибшим, изображая их в том виде, какими их застала смерть, — в любое время дня и ночи будет многолюдно: там бабушка с авоськой идёт, там люди стоят на остановке, там машина, полная людей, там трамвай...

А то и целый дом из мрамора, полный жильцов, которых уже ничем не испугаешь.

\* \* \*

Как началась эта история, когда.

Сразу не поймёшь, с какого места начать, с какого митинга, с какого выстрела.